

ББК 66.011.6

Е.В. Григоров

«Общество мечты» от Л. Мизеса до Р. Йенсена в свете критики социально-философских идей крайнего либерализма

E.V. Grigorov

«Dream Society» from L. Mises to R. Jensen in the Focus of Criticism from the Point of View of Social-Philosophical Ideas of Extreme Liberalism

Автор, основываясь на представлениях об избранности в оптимистических антропологических концепциях, рассматривает негативные явления капиталистического общества как следствие завышенной оценки природы человека, принятой в философии либерализма. Идея избранности и абстрактный принцип равенства затруднили для многих членов либерального общества поиск личностных смысложизненных ориентаций, что привело к формированию психологии «неудачника», лежащей в основе многих проблем современности.

Ключевые слова: капитализм, либерализм, равенство, иерархия, сверхчеловек, общество, христианство, сословие.

DOI 10.14258/izvasu(2013)2.2-44

Современное западное общество, без сомнения, основывается на либеральных ценностях. И хотя либерализм за свою историю сменил немало конкретных исторических форм, основные его признаки остались неизменными: свобода и самоценность индивида; правовое и политическое равенство (равенство возможностей); рационализм и связанная с ним вера в прогресс; естественные права человека; частная собственность и свободный рынок. Экономическим двойником либерализма является капитализм, основанный на тех же ценностях, и, по нашему мнению, будет вполне уместно сблизить эти понятия в рамках концепции общества модерна. Это находит полное сочувствие в одном из заслуживающих уважения направлений социально-философской мысли, чаще всего определяемой как консерватизм [1]. Для либеральной, а соответственно, и для современной культуры одним из самых востребованных идеалов является свобода, не обладая которой, нельзя достичь и любых других идеалов. Либеральные авторы пишут о достоинстве и счастье человека, о равенстве и демократии. Эти авторы утверждают, что жизнь каждого человека будет такой, какой он сам захочет, а внешние силы, например государство, ни в коем случае не будут ему мешать. Они настаивают на том, что, реализуя свои права, человек будет

The author using the concepts about chosenness in optimistic anthropological concepts considers the negative effects of capitalist society as a result of over-evaluation of human nature which was accepted by the philosophy of liberalism. The idea of chosenness and nonobjective equality had made search of personal purpose orientation difficult for many members of liberal society that led to formation of «loser» psychology underlying many of today's problems.

Key words: capitalism, liberalism, equality, hierarchy, Superman, society, Christianity, estate.

с уважением относиться и к правам других людей. Общество, построенное на этих принципах, будет обществом согласия и благоденствия, обществом «наибольшего счастья, для наибольшего числа людей». Эта либеральная традиция утверждает, что общество данного типа строится уже несколько веков в Западной Европе и США и достигло невиданных успехов по сравнению с предыдущим феодальным обществом и тоталитарными государствами XX в.

Неоспоримые успехи данного общества в повышении материального благосостояния и реализации принципов свободы, независимости, равенства, с одной стороны, и не прекращающаяся критика современной западной цивилизации, причем с позиций побежденного феодализма (консерваторы, традиционалисты) и провалившегося тоталитарного социализма (социалисты, коммунисты) — с другой, заставляют задуматься о внутренних противоречиях и недостатках либеральной социально-философской доктрины. Легче всего это проследить на примере радикального либерализма, поскольку, во-первых, указанные недостатки здесь наиболее очевидны, во-вторых, даже самый умеренный либерализм потенциально может быть развит до его крайних форм. Не имея возможности в рамках небольшой статьи исследовать всю историографию либерализма и его критики, остано-

вима на нескольких наиболее показательных, на наш взгляд, работах и авторах.

Один из последовательных защитников свободного рынка Людвиг фон Мизес в книге «Антикапиталистическая ментальность», вышедшей в свет в 1956 г., следующим образом характеризует либеральное общество: «Замена докапиталистических методов экономического хозяйствования свободным капитализмом увеличила население и небывало повысила средний уровень жизни. В наши дни нация тем больше процветает, чем меньше она препятствует духу свободного предпринимательства и личной инициативы... Капитализм превращает „простого человека“, из пролетария в „буржуа“. На рынке в капиталистическом обществе простой человек является полноправным хозяином-потребителем... Те социальные низы, которые в предыдущие эпохи составляли толпы рабов и крепостных, бедняков и нищих, становятся теперь покупающей публикой, ради которой старается бизнесмен. Они-то и есть тот клиент, который „всегда прав“, полновластный хозяин, который способен сделать бедного поставщика продукции богатым, а богатого — бедным. Контроль за материальными средствами производства является теперь общественной функцией, одобряемой или отвергаемой Его Величеством Потребителем. А вот что представляет собой в этих условиях понятие свободы. Любой взрослый индивидуум имеет возможность моделировать свой образ жизни по собственному плану. Никто не принуждает его жить согласно единственно допустимому плану, навязываемому властями с помощью полиции, т. е. общественного аппарата принуждения. Свободу индивидуума ограничивает не насилие или угроза насилия со стороны других людей, а только физиологическая структура его тела и естественная ограниченность его производительных возможностей... При капитализме простой человек пользуется благами, которые в предшествующие времена были неизвестны, а, следовательно, и недоступны даже самым состоятельными людям» [2].

В связи с таким пониманием капиталистического общества возникают вполне справедливые вопросы: кто будет критиковать подобное общество, где бывшие рабы стали полновластными хозяевами, осуществляющими контроль над материальными средствами производства? можно ли проигнорировать тысячи критических работ, посвященных капиталистической экономике и либеральной идеологии? можно ли не обращать внимание на сотни тысяч негативных фактов, задокументированных в исторических источниках, две мировые войны и ряд глубочайших кризисов? или, если нужен конкретный исторический пример, почему либеральная партия «Союз правых сил» на выборах в Государственную Думу РФ в 2003 г. набрала менее 4%, а в 2007 г. — менее 1% голосов? Людвиг фон Мизес и сам вынужден был признать: «Настрой об-

щественного мнения предельно ясно виден из того, что оно связывает само определение „капиталистический“ только с чем-либо отвратительным и никогда ни с чем положительным» [2]. Однако он считал все негативные явления не следствием собственно капитализма, а лишь результатом попыток его ограничения. Людвиг фон Мизес, конечно, слишком радикален для современной либеральной литературы, по мнению французского экономиста Э. Жамса: «В этом направлении Л. Мизес зашел слишком далеко» (цит. по: [2]). Многие либеральные авторы готовы принять слаботи классического либерализма и признать необходимость его корректировки другими социальными институтами. В то же время «темную» сторону капитализма они относят на счет издержек его ранних форм, которые сейчас преодолены. По их мнению, в современном мире мы имеем дело с другим капитализмом — «капитализмом с человеческим лицом».

Развивая данную идею, ряд скандинавских либеральных футурологов разрабатывают концепцию «общества мечты» (термин Ролфа Йенсена) [3], по их мнению, данное общество приходит на смену современному информационному обществу. Н. А. Нордстрем и Й. Риддерстрале утверждают: «Они (В. И. Ленин, Мао Цзэдун, Хо Ши Мин. — Е. Г.) были правы, потому что они разделяли взгляды Карла Маркса и верили в то, что все богатство общества принадлежит народу и что рабочие должны владеть средствами производства. Сегодня мы ими владеем... Рабочие владеют основными средствами производства. Революция, точнее, ее первая часть, закончена. Рабочие — программисты, разработчики нового программного обеспечения во Франкфурте, судостроители на верфях в Ставангере, креативщики в китайских рекламных агентствах, и-тэ-эровцы в Сиднее, фабричные рабочие в Лос-Анджелесе, продавцы опционов в Сингапуре все время используют свои мозги и только иногда свою мускульную силу, чтобы создавать новые блага... Основное средство производства — это скромное серое вещество весом приблизительно 1,3 кг. Это человеческий мозг... Ваш мозг, хорошо это или плохо, принадлежит только вам... Нет должностных инструкций, но есть больше власти. Теперь нам принадлежит основное богатство общества — наш собственный мозг. И власть приравнивается к свободе. Мы все потенциально свободны, чтобы знать, передвигаться, создавать и быть тем, кем мы хотим. Мы можем выбирать. Мы можем быть разборчивы, это наше право... И сегодня власть — это контроль над самым ценным из всех природных ресурсов: над человеческим разумом... Великий социалистический проект, мечта о передаче власти народу, осуществился прямо у нас на глазах. И претворили его в жизнь не последователи коммунистической теории, а ярые сторонники свободного предпринимательства и рыночного капитализма» [4].

По их мнению, данная форма капитализма изжила свои детские пороки, и теперь каждый рабочий выбирает, где ему работать и какую зарплату получать, а работодатель готов на все, только бы заполучить такого работника. Представители крайне левого анархистского Ситуационистского интернационала, полностью отрицавшие капиталистическое общество, в конце 60-х гг. XX в. мечтали о том, чтобы работа в будущем обществе рассматривалась, как игра. В начале XXI в. Нордстрем и Риддерстрале утверждают, что такое отношение к работе стало фактом, по крайней мере, в современных капиталистических компаниях. Однако такое утверждение расходится, например, с высоким уровнем самоубийств среди рабочих китайской фабрики крупнейшей тайваньской компании Foxconn. Почему на них не распространяется «общество мечты»? Можно ли и сейчас списывать негативные следствия капитализма на отдельные недостатки его неразвитых форм или все-таки считать его «темную» сторону неотъемлемой частью либеральной экономики, вытекающей из самой сущности капитализма? Социально-экономическая и политическая литература, утвердительно отвечающая на второй вопрос, обширна, но нам бы хотелось коснуться некоторых философских аспектов социальной психологии консерватизма.

Как мы видим, анализируя современное либерально-капиталистическое общество, и Людвиг фон Мизес, и скандинавские авторы особо подчеркивали наличие в нем практически безграничных возможностей для самореализации каждого человека. Все зависит от тебя самого. Приложи усилия, трудись, обучайся, будь неординарным, и ты обязательно добьешься успеха. Капиталистическое общество — это общество равных возможностей. Однако на практике капитализм не выглядит таким красивым, каким ему следовало бы быть, исходя из теории. Почему же не все пользуются предоставленными им возможностями? Является ли это следствием внешнего насилия над ними (так считал, например, К. Маркс) или же это обусловлено внутренними свойствами характера конкретных людей?

Приходится признать, что проповедь капитализма адресована не всем и каждому, она ориентирована на людей особого типа. Апологеты либерализма, опираясь на присущий им рационализм, видят не конкретного, целостного человека, а человека абстрактного, человека вообще. Эти абстрактные индивиды, реализуя свою абстрактную свободу, добиваются абстрактного успеха в обществе, которое не ограничивает их действий. В действительности же для того, чтобы обрести капиталистическое счастье, человек должен обладать определенными талантами, способностями. Не зря же деловые люди, бизнесмены, организующие производство материальных ценностей и увеличивающие благосостояние общества, рассма-

триваются в капиталистических странах как «золотой фонд» нации. Представитель такого типа людей должен быть энергичным, волевым человеком, способным брать на себя ответственность, должен обладать развитой интуицией, уметь привлекать к себе людей и руководить ими, уметь ограничивать себя в удовлетворении своих потребностей, не идти на поводу у своих желаний, иметь гибкое представление о морали (вплоть до аморальности), чувствовать себя избранным, уметь решительно отбрасывать сомнения, идя на риск в безнадежной ситуации. Очевидно, что это тип неординарного, волевого, ответственного человека. Именно для таких людей капитализм представляется идеальным обществом. Утверждая, что каждый человек может добиться успеха, сторонники либерализма переносят эти особые качества на своего абстрактного человека, считая, таким образом, что этими качествами в полной мере наделены все люди. Однако такая позиция сталкивается с жестокой реальностью, в которой человек не так прекрасен. В рамках данной статьи мы ограничиваемся только постановкой проблемы избранности. Мы анализируем работы авторов, наиболее ярко и выразительно осветивших исследуемый тип человека, с одной стороны, и ставших классическими, получившими общую известность, — с другой. Это критики капиталистического общества и либерализма Ф. М. Достоевский и Ф. Ницше, а также социолог, вскрывший многие тайные пружины капитализма, М. Вебер. Несмотря на различие методологических и мировоззренческих установок, данные авторы глубоко прорабатывают понятие избранности, являющееся одной из важнейших составляющих капиталистического общества и либеральной идеологии. Примером глубокого философского анализа природы человека в интересующем нас аспекте является поэма о великом инквизиторе из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Великий инквизитор упрекает Христа в том, что тот неправильно оценивает человека: «...ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками... человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал» [5, с. 266], «...ты вознес их и тем научил гордиться» [5, с. 269]. Из этой неверной оценки вытекает все страдание человеческое, вся социальная неустроенность большинства людей на Земле. «Столь уважая его (человека. — *Е. Г.*), ты (Христос. — *Е. Г.*) поступил, как бы переставая ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал» [5, с. 266]. Требовательность Христа, основанная на оптимистической антропологии, по мнению инквизитора, выделяет в обществе группу людей, предназначенных к спасению, а всех остальных обесценивает и превращает в отходы прогресса. «И если за тобой во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и десятками тысяч миллионов

сущест, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного?» [5, с. 263]. «Да неужели же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных?» [5, с. 267]. В поэме Ф. М. Достоевского Христос молчит, и мы не знаем, правильно ли понимает его инквизитор, но в том, что такая позиция имеет много сторонников, мы можем не сомневаться. В хорошо разработанном виде она присутствует в трудах Ф. Ницше. Его учение о сверхчеловеке, ради которого человек должен быть преодолен, отброшен, хорошо известно. *Übermensch* Ницше — это и есть избранный Достоевского. Концепция избранных не нова в истории человеческой мысли, она отражает то, каким человек должен быть, тот идеал, к которому необходимо стремиться. В этом вопросе у Ницше и Достоевского нет разногласий. Принципиально противоположные позиции, на наш взгляд, они занимают в оценке несовершенных людей. Причем и тот, и другой считают этих людей именно несовершенными. Инквизитор Достоевского, пессимистично оценивая возможности человека: «Он слаб и подл [5, с. 266] ... Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики» [5, с. 263], — все-таки исполнен состраданием к ним: «... нам дороги и слабые [5, с. 263] ... Ты гордишься своими избранниками, но у тебя лишь избранники, а мы успокоим всех... У нас же все будут счастливы [5, с. 268] ... мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ» [5, с. 269]. Ницше же отрицает саму возможность такого подхода: «... Что вреднее всякого порока? — Деятельное сострадание ко всем неудачникам и слабым» [6, с. 300]. И Ницше, и Достоевский принципиально различают истинное христианство и христианство историческое: «... в сущности был только один христианин, и он умер на кресте», — пишет Ницше [6, с. 335]. Первое обращено к должному в человеке, к его свободной воле, к сверхчеловеку: «... свобода их (людей. — *Е. Г.*) веры тебе (Христу. — *Е. Г.*) была дороже всего», — говорит инквизитор [5, с. 261]. Второе, по словам Ницше, «взяло сторону всех слабых, униженных, неудачников, оно создало идеал из противоречия инстинктов поддержания сильной жизни; оно внесло порчу в самый разум духовно-сильных натур, так как оно научило их чувствовать высшие духовные ценности как греховные, ведущие к заблуждению, как искушения» [6, с. 301]. Это историческое христианство, воплощенное прежде всего в католицизме, Достоевский рассматривает как антихристианство: «... мы (католическая церковь. — *Е. Г.*) не с тобой, а с ним (дьяволом. — *Е. Г.*), вот наша тайна» [5, с. 267]. Средневековое общество культивировало в людях слабость и иждивенчество. Христианство «обратило к себе всех неудачников... потерпевших крушение, все отребье и отбросы человечества» [6, с. 340]; «... мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети,

за то, что мы им позволим грешить» [5, с. 269]. Период духовной гегемонии христианства в Европе был периодом снисходительного отношения к «сырым и убогим», к «униженным и оскорбленным». Слабость человеческая была признана реальностью, с которой нужно смириться, уповая на милость Божью.

Поворот в отношении к человеку связан с распространением протестантизма, из этики которого, по мнению М. Вебера, родился дух капитализма. Идеологи протестантизма вернулись к идеям раннего христианства, в том числе и к идее должного в человеке, к идее избранности. «Кальвинистский Бог требовал от своих избранных не отдельных „добрых дел“, а святости, возведенной в систему» [7, с. 153], «... в качестве наилучшего средства для обретения внутренней уверенности в спасении рассматривается неутомимая деятельность в рамках своей профессии» [7, с. 149]. «Сверхчеловек» пуританизма видел свою цель в том, чтобы «осуществлять аскетические идеалы в рамках своей мирской профессии» [7, с. 157]. Уже в процессе своего зарождения капиталистическое общество было ориентировано на «сверхчеловека».

Кроме экономического зла первоначального накопления капитала, проанализированного К. Марксом, формирование капитализма, таким образом, было отмечено еще рядом негативных тенденций, которые обусловили наличие отрицательного начала в самой его природе. Прежде всего, это неприятие истинной природы человека, трактовка ее как слабости и отсутствие сострадания к нему: «... божественная милость, дарованная избранным и поэтому „святым“, требовала не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему своему в сознании собственной слабости, а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню, отмеченному клеймом вечного осуждения» [7, с. 157]. Отрицание слабого человека во имя сильного является основным пафосом произведений Ф. Ницше. Его мысль, содержащая такие концепты, как «сверхчеловек», «мораль рабов и господ», вполне укладывается в рамки капиталистического мировоззрения. Это касается и Ф. М. Достоевского, у которого страдает человеку лишь инквизитор, персонаж не совсем положительный, признающийся в предательстве Христа. Сам же Христос как раз требует от человека святости.

Либеральная мысль, связанная с протестантской этикой, солидарна с представлением Ницше о ценности исключительно «сверхчеловека», с тем, что жизнь обычных (читай, ничтожных) людей нужна только для того, чтобы он появился. Эта мысль глубоко порочна, она не учитывает реальности, в которой инертных, слабых людей большинство. Даже если общество культивирует идеал «сверхчеловека — бизнесмена», процент таких людей все равно невысок, как невысок процент поэтов, художников, музыкантов. Нужно также учитывать, что нелюбимыми эпитетами обыч-

ного, рядового человека награждают сами либералы для оправдания их униженного состояния.

Это презрение к слабости многократно усиливается еще одной отрицательной тенденцией, формирующей сущность капитализма, а именно распространением и вознесением до невиданных высот принципа равенства. Равенство прав и возможностей — это как раз та трибуна, с которой либеральные мыслители изобличают рядового человека в лености, тупости, безынициативности. Людвиг фон Мизес пишет: «...положение человека зависит от его собственных усилий. Каждый, чье честолюбие не удовлетворено в полной мере, осознает, что он просто упустил свой шанс, пытался, но не смог, и его ближний оказался удачливее... он сознает свою неполноценность и испытывает унижение... он прекрасно знает, что это ясно всем остальным... он подсознательно испытывает по отношению к ним комплекс неполноценности. Так чувствует себя бродяга по отношению к человеку, имеющему постоянную работу, рабочий — к бригадирю, чиновник — к вице-президенту, вице-президент — к президенту компании» [2]. Такое мировосприятие, по его мнению, и является одной из причин антикапиталистической ментальности — слабые и ленивые завидуют сильным и трудолюбивым. При этом фон Мизес искренне считает, что виновны в своем ничтожном положении они сами. Он, совершенно в духе пуританизма, испытывает к этим людям лишь презрение. Мир для него прост. В нем есть возможности и равные друг другу люди, которые делятся на две группы: одни хотят использовать возможности, а другие не хотят. Есть «сверхчеловек» — капиталист, и есть неудачник — завистливый, ленивый и порочный. Учитывая то, что неудачники составляют большинство, а у фон Мизеса даже вице-президенты завидуют президентам, нетрудно представить психологический климат такого общества. И этот факт, по нашему мнению, не менее значим для характеристики капитализма и либеральной этики, чем факты эксплуатации и присвоения прибавочной стоимости меньшей частью общества. Мы не отрицаем ценности равенства перед законом, но рассматриваем даже это равенство как идеал, а не как реальность. В законодательстве всех стран существует понятие общих и специальных субъектов права, последние имеют особый статус — депутаты, дипломаты, судьи, президенты и т. п. Несмотря на равенство перед законом, существуют разные процедуры привлечения к уголовной ответственности (например, снятие неприкосновенности), которые на практике делают одних хотя бы в какой-то степени и по отношению к отдельному виду правоотношений более «равными», чем другие. Принципы равенства, декларируемые в конституциях развитых стран, не соблюдаются в других нормативных актах (так, например, Указ Президента РФ от 31.12.1999 № 1763 «О гаран-

тиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнению своих полномочий, и членам его семьи» включает в себя пункт «д», который наделяет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий (по сути пенсионера. — *Е. Г.*), неприкосновенностью по уголовным и административным делам). Тем более иллюзорны и другие виды равенства. Роберт Михельс формулирует «железный закон олигархии»: «...демократия, чтобы сохранить себя и достичь известной стабильности, вынуждена создавать организацию, а это связано с выделением элиты — активного меньшинства, которому массе приходится довериться ввиду невозможности ее прямого контроля над этим меньшинством. Поэтому демократия неизбежно превращается в олигархию, и люди, совершая социальный переворот, убегают от Сциллы, чтобы попасть к Харибде» [8]. В связи с этим, на наш взгляд, представления о равенстве, распространившиеся в демократическом обществе, оказываются основой крайней степени разочарованности многих людей, желающих воплотить обещанное равенство, но столкнувшихся с фактическим неравенством. По крайней мере, нам понятен пафос Ф. Ницше, воскликнувшего: «Я не хочу, чтобы меня смешивали или ставили наравне с этими проповедниками равенства. Ибо так говорит ко мне справедливость: „люди не равны“» [9, с. 88]. (Заметим, что понимание равенства в обществе и в среде ученых-специалистов различно: если политологи могут воспринимать различные оттенки и исключения, то обычный человек понимает эту идею более прямолинейно).

Радикально противоположный взгляд на природу человека мы находим в традиционном мышлении сословного общества. Отвергая сословное общество в пользу капиталистического, фон Мизес пишет о том, что наличие сословий позволяет неудачникам списывать свой провал на внешние обстоятельства. «В обществе, основанном на кастах и сословиях, индивидуум может приписывать свою неудачливость обстоятельствам, находящимся вне его контроля... Он раб, потому что высшие силы, определяющие ход событий, навязали ему это состояние» [2]. Неудачники традиционного общества находятся в плену самообмана, а в капиталистическом мире у них открываются глаза. Такой переход от заблуждения к истине можно было бы расценивать положительно, если бы он не прилагал к сословному обществу критерий оценки, присущий обществу капиталистическому, — материальное положение, деньги. Люди, которых фон Мизес с его либеральным шаблоном записывает в неудачники, в традиционном обществе считались успешными и в своих глазах, и в глазах общества. Здесь мы имеем дело с еще одной негативной тенденцией, лежащей в основе капитализма, с тем, что деньги стали универсальным критерием оценки любой деятельности. В капиталистическом обществе успех человека опреде-

ляется только его состоянием. Неважно, в какой сфере он трудится — экономика, наука, искусство — оценивают его только по тому, сколько он этим заработал. Все остальные критерии оценки для капитализма — пережитки и анахронизмы. Человек преклонился перед деньгами, они овладели его совестью: «... потребность общности преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков» [5, с. 264]. Эта потребность теперь удовлетворена. В капитализме человек нашел, что искал, и это было бы хорошо, если не вспоминать, что такой путь предлагает «умный дух» (дьявол). Инквизитор говорит: «Мы взяли от него Рим и меч кесаря» [5, с. 267]. Теперь этот меч в руках современного капитализма. Однако и позиция инквизитора не отрицает эту капиталистическую точку зрения. Он, хотя и сострадает слабым, все же считает их неудачниками, выражая точку зрения современного социального капитализма, «государства благоденствия».

В сословном обществе много разных иерархий, много разных целей и смыслов жизни, много разных путей достижения успеха. В этом обществе отсутствует принцип равенства, в нем человек всегда принадлежит к конкретной группе, касте. Эта каста не только ограничивает его возможности, но и, что более существенно, защищает его от внешнего насилия, делает его существование более комфортным, поднимает его самооценку. Деление на сословия имеет радикальный характер. Крестьянину не приходило в голову сравнивать себя с дворянином и чувствовать при этом свою ущербность. Проблема сущности человека является одной из самых сложных и наиболее дискутируемых проблем всей человеческой истории. Мы не пытаемся создать новую антропологию, но хотим заметить, что если человек не только биологическое, но и социальное и духовное существо, то для его природы социальный и духовный аспекты играют одну из определяющих ролей. На протяжении всей человеческой истории существовали концепции, в которых биологический вид *homo sapiens* был разделен на сущностно разные страты. Социальная история знает такие страты и в современном мире. И не где-то в африканских джунглях, совсем недавно и в США не было рав-

ноправия для цветного населения. По нашему мнению, скрытое неравенство либеральной идеологии, по крайней мере, ничуть не лучше открытой иерархии сословного общества. Либерализм принес идею абстрактного равенства (все люди суть один вид) и соответственно один смысл жизни для всех, одну задачу, одну цель и одну систему ценностей. И эта цель оказалась не под силу большинству. Если все люди должны преследовать одну цель и оцениваться по одному параметру, то это обнаруживает глобальную несправедливость общества, большая часть которого становится неудачниками. Таким образом, открывается путь к насильственному преобразованию во имя идеала. Социальные утопии — не только протест против капитализма, но и его прямое следствие, вытекающее из его рационализма, его абстрактного представления о человеке, его призыва к сверхчеловеку в обществе рядовых людей.

Капитализм, который чаще всего критикуют за эксплуатацию, за общество потребления и наживы, имеет еще один существенный недостаток: он просчитался с природой человека, он поставил невыполнимую для большинства цель и тем самым обесмыслил жизнь большинства, которое оказалось в положении неудачников (лузеров). Капитализм и либеральная идеология породили в человеке глубокий психоз неудовлетворенности самим собой. Этот психоз стал причиной глубочайшего кризиса всей человеческой цивилизации. Либеральная мысль была вынуждена искать новые возможности на путях социального капитализма и «государства благоденствия», на путях великого инквизитора. Однако либерализм не отказывается от деления всех людей на две категории: сверхлюдей и неудачников. Потакая неудачникам, социальное государство развивает в человеке чувства иждивенчества, инфантилизма, неполноценности. Либеральная элита не пытается, да и не может устранить причину массового психоза, вызванного доктриной сверхчеловека, а пытается избежать ее катастрофических проявлений, чему и служат массовое общество, массовая культура, этика потребления, названные Ги Дебором «обществом спектакля» [10].

Библиографический список

1. Дугин А. Г. *Философия Политики*. — М., 2004.
2. Мизес Людвиг фон. *Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность* [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Mizes/intro.php.
3. Йенсен Ролф. *Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес* [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.rus.ec/b/140983/read#t7>.
4. Нордстрем К. А., Риддерстрале Й. *Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта* [Электронный ресурс]. — URL: <http://fb2lib.net.ru/author/13111>.
5. Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений* : в 4 т. — М., 1999. — Т. II.
6. Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла; Казус Вагнера; Антихрист; Ессе homo* : сборник. — Минск, 1997.
7. Вебер М. *Избранные произведения*. — М., 1990.

8. Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии [Электронный ресурс]. — URL: <http://vikent.ru/enc/1970/>.

9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение Трагедии, или Эллинство и пессимизм : сборник : пер. с нем. — Минск, 1997.

10. Дебор Г. Общество спектакля [Электронный ресурс]. — URL: http://avtonom.org/old/lib/theory/debord/society_of_spectacle.html.